

Послевоенное православие на Коми земле

ПОД СПУДОМ

Закончилась страшная война. Мы победили, и не только нацистов. Большевики мечтали к середине сороковых годов навсегда покончить с Русской Церковью. Вместо этого пришли к ней на поклон.

По данным переписи 1937 года, верующими назвали себя около половины “ советских” людей. Среди них костяк будущей армии - самые спокойные, честные, трудолюбивые мужики, жены и матери коммунистов и комсомольцев. И не удивительно, что уже в первые дни фашистской агрессии исчезли как дым лекторы-атеисты, воинствующие безбожники.

С тем, чтобы снова появиться на свет сразу после войны, очнуться от глубокого обморока, как это бывает с лягушками на исходе зимы. Они нашли себе достойных противников. Вдов и матерей погибших красноармейцев, тружениц, все силы отдавших победе, священников, выживших в мясорубке тридцатых годов и выпущенных на волю для того, чтобы словом и верой поднимать людей на борьбу с захватчиками.

Сегодня с документов Совета по делам Русской Православной Церкви по Коми АССР мы начинаем серию публикаций об истории Церкви на Русском Севере. В них, пусть искаженно, но отражена жизнь христиан республики в послевоенные годы. Поначалу главной заботой православных было открытие церквей. Это движение длилось около десяти лет и закончилось пусть не полной, но победой. Но сколько унижений пришлось при этом вытерпеть...

“Как дети, плачущие о своей матери...”

Перед нами письмо Патриарху от бывшего церковного старосты Преображенской церкви села ИЖМЫ. Написано оно не слишком грамотно, но не это стало причиной того, что его перехватили на почте и доставили уполномоченному. Дошло ли письмо в конце концов до Патриарха Алексия I, нам неизвестно:

“От имени нижеподписавшегося прихожанина из Ижемского прихода Ануфриева Михаила Егоровича прошение.

Мы из священной истории видим, что временное ослабление и даже падение по местам веры православной было не только при Древнем Риме, при Моисее, но оно было до I-го собора Вселенского до торжества православия, но вера православная всегда воссияла вновь...

Это временное ослабление веры православной как и было на Кавказе, произошло ныне и в нашем районе, но люди духовной своей есть же с совестью еще не забыли веру православную, они нуждаются в ней, как дети, плачущие о своей матери, без церкви они точно, как кругло осиротевшие дети, и мы видим необходимость людям веры, как дождь при сильной и продолжительной засухе, погибающей от засухи все плоды данные.

А потому просим Святейшего Патриарха восстановить Ижемский приход, бывшую православную Преображенскую церковь и в ней богослужение, и тем восстановить в людях любовь...

6 августа 1946 года”

* * *

Письмо на имя Патриарха - это исключение, в Москву ездили обычно лично. Писали же чаще всего местному уполномоченному. По простоте душевной верили, что теперь, после войны, власть должна пойти навстречу верующим:

“В Коми Совнарком от Усть-Куломского района, села ДОН заявление.

Мы, донские крестьяне, требуем от Вас разрешения, чтобы можно было нам провести церковную службу в чистой крестьянской избе, до открытия церкви, потому что наше правительство и вам товарищ Сталин разрешил и дал нам свободную религию... Тимушев Андрей Дмитриевич...”

На обороте прошения следует список на 20 человек, за 7 человек неграмотных расписались другие. Сколько волнений за этим, сколько надежд. Резолюция уполномоченного оказалась краткой: “Заявление без рассмотрения... возвращено заявителю”.

* * *

Еще одно прошение пришло из села ЧАСОВО:

“Заявление по уполномочию общин верующих граждан Часовского сельсовета:

“Для ремонта в с.Часово православной церкви уже приготовлены некоторые материалы, а именно: кирпич обожженный 3000 штук, плахи для замены пола 100 штук, подготовлена древесина 25 кубометров, подготовлено оконное стекло для ремонта окон полностью и другие материалы...”

Первой в списке подписавшихся стоит имя Потолициной Анны Савватьевны, далее справка уполномоченного: “Мать 8 детей - орденоска, 3 сына были в РККА, один из них погиб... Заявление оставлено без рассмотрения”.

* * *

“Заявление оставлено без рассмотрения” - означает чаще всего, что уполномоченному не удалось найти ни одной причины для отказа. Это был минус в его работе. Какая интенсивная работа проводилась иной раз советскими органами, свидетельствуют пожелтевшие листки в папке уполномоченного посвященные прошению Петровой

Натальи Григорьевны и ее односельчан об открытии церкви в селе ВАЖГОРТ:

“Настоящим просим содействовать о восстановлении церкви при Важгортском сельсовете, т.к. в настоящее время церковное служение отсутствует ввиду отсутствия специалиста, который уехал в 1937 году к родителям (в) Мурманской области...”

Эта просьба вызвала целую бурю в коридорах власти:

“Секретно. Председателю Удорского райисполкома тов.Кузнецову В.О. лично.

... Направляю заявление группы верующих с ходатайством об открытии церкви... Путем неофициальных бесед с лицами, включенными в список верующих, выясните, действительно ли они давали свое согласие на внесение их в список и действительно ли сами подписывались под заявлением по ходатайству открытия церкви, не занесены ли в список вымышленные фамилии и умершие, не включены ли умалишенные, выбывшие и не проживающие граждане на данной территории сельского Совета. Все ли пользуются избирательными правами...

К изучению указанных фактов следует подходить очень осторожно, чтобы не было никаких подозрений со стороны граждан села. Ни в коем случае не подпускать в эти дела вмешательства органов МВД.

7.10.49. Зам.председателя Совета Министров Коми АССР В.Тишонков”

* * *

Иногда в ходе проверок удавалось докопаться до чего-то “существенного”. В этом случае отказ носил “мотивированный” характер. Вот, например, донос на заштатного священника, добивавшегося открытия храма:

“В поселке ВОЖАЕЛЬ Железнодорожного района проживает и работает в средней Вожаельской школе в

должности завхоза заштатный священник Вознесенский Михаил Васильевич, освободившийся из лагеря, лицо, безусловно заинтересованное в открытии церкви, взял на себя инициативу на открытие молитвенного дома... Вознесенский сам лично написал заявление и проект договора...”

“Дальний прицел...”

Одним из самых важных событий для коми-православия после войны стал визит владыки Архангельского Леонтия. Вот выписки из доклада уполномоченного Репина на этот счет:

“О пребывании Епархиального Архиерея Леонтия Епископа Архангельского и Холмогорского в Кочпонской церкви с 23 по 29/VIII...”

...Первая моя встреча была с епископом 23 августа 1946 года на сыктывкарской пристани, а 24 августа на квартире иеромонаха Кривошапова я имел беседу с епископом. На мой вопрос, на что у вас имеются претензии, он заявил, что претензий нет...

25 августа 1946 года в кочпонской церкви совершилось богослужение епископом Леонтием и благочинным священником Вотчинским Николаем, иеромонахом Кривошаповым... в честь освящения Кочпонской церкви.

Совершение данного богослужения привлекло внимание местного населения, а также и населения близлежащих сел, необходимо отметить, что в обычные дни службы посетителей бывает от 100 до 150 человек, а в двенадцатые церковные праздники увеличивается до 600-700 человек, а в день освящения церкви посетителей было свыше 1000 человек, примерно 1100-1500 человек, посетители были всех возрастов, преобладающее большинство было сельское население, колхозники, незначительно были городские служащие советских учреждений..

В беседе 24/VIII епископ Леонтий интересовался, почему в Коми АССР мало действующих церквей, и высказал мысль о том, что для кочпонской церкви необходимо 2 священника. Одним из мотивов необходимости 2 священников он выдвинул вопрос совершения религиозных треб на дому, которые не может выполнять один священник, это формальная постановка вопроса, а фактически тут его дальний прицел на открытие других церквей в Коми АССР. Это лично мои выводы...

Кривошапов заявил мне о том, что владыка сказал ему: “Поскольку в Коми АССР только одна церковь, Вы будете действовать на всю республику на правах благочинного...”

Совершенно недвусмысленно епископ Леонтий сделал замечание при разговоре о втором священнике, он заявил Кривошапову: “Необязательно, чтобы вы были настоятелем храма, может быть и наоборот”. Это замечание Леонтия правильно, т.к. Кривошапов не имеет организаторских способностей и вдобавок большой трус...

Уполномоченный... Репин”

(Десятой части тех испытаний, что выпали на долю отца Мелетия Кривошапова хватило бы уполномоченному Репину, чтобы дрожать, как осиновый лист до конца жизни. В Церкви к середине 40-х годов были самые разные люди, но трусов среди них не осталось - В.Г.) ...

О необходимости открытия еще двух-трех церквей владыка Леонтий повторил много раз, сумел воодушевить людей на продолжение борьбы. Память о поездках владыки сохранилась не только в Коми. В Сольвычегодске, где местные власти разрешили восстановить храм, владыка пожертвовал на его ремонт личные средства. Старухи до сих пор вспоминают владыку. Запомнился он им, помимо всего, и тем, что имел только один глаз. Кто выбил второй -

догадаться нетрудно. Такими они были, архиереи послевоенного времени.

“И он больше не хотел...”

Одним из результатов визита владыки стала регистрация при кочпонском храме священника Михаила Вишерского. У отца Михаила опыта было меньше, чем у отца Мелетия, и он скоро допустил “серьезную оплошность”:

“20/VIII - 49г. Секретно. Совет Министров Коми АССР.

В настоящее время сообщаю, что 26 июня (в день воскресенья) священник кочпонской церкви Вишерский организовал в дневное время массовое шествие в Вильгортском сельсовете на кладбище... отвлекая от производства сотни человек.

Данное мероприятие было сделано по обдуманному плану: заранее, за 6 дней, Вишерский ходил среди населения в с.Вильгорте, где специально декламировал о дне приезда, что является недопустимым.

Мною гражданин Вишерский был вызван в исполком, где я потребовал объяснения, и он больше не хотел организовывать подобных шествий.

Председатель райисполкома Тимин”.

Со временем советским органам удалось, судя по всему, надломить отца Михаила. К концу 60-х очередной чиновник мог бы и про него сказать: “большой трус”. Но сколько лишений пришлось вытерпеть перед тем этому батюшке, знает один Бог.

* * *

Секретно. Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР.

По имеющимся у нас сведениям среди служителей религиозного культа кочпонской церкви Коми АССР, судимые по всем статьям УК имеются:

1. Настоятель - священник Кривошапов Мелетий Титович...
5 лет ссылки в Коми АССР (в 1940 г.)

2. Священник Вишерский Михаил Филаретович в 1935 году... к 3 годам лишения свободы

3. Председатель ревкомиссии - Жакова Мария Васильевна, дочь кулака... 5 лет лишения свободы и поражение в правах на 3 года.

Уполномоченный... Н.Горшков”

“Стали возмущаться этим...”

Как свидетельствует переписка уполномоченных с Москвой, большая часть антирелигиозных инициатив носила характер самодеятельности. Ложь, что все директивы спускались сверху. Прочитав доклады за полтора послевоенных десятилетия, приходишь к грустному выводу - “ милует царь, да не жалует псарь”. То и дело Москве приходится одергивать не в меру ретивых борцов с религией:

“И.О. уполномоченного по делам Русской Православной Церкви... тов. Титову А.С. 13 января 1954 г.

В вашей справке приведены цифровые данные о религиозных требах, совершаемых в церкви за 1953 год. Совет, не будучи осведомленным, каким путем Вы получили эти данные, считает необходимым сообщить Вам, что требовать от настоятеля или старосты церкви указанные сведения не следует, так же, как нельзя интересоваться у них церковными доходами. Церковь отделена от государства, и советские органы не должны вмешиваться в вопросы внутрицерковные, подчеркивая этим самым, что нас не интересуют их внутренние дела.

Заместитель председателя по делам РПЦ при Совете Министров СССР Бельшев”.

* * *

Иногда не отставали от чиновников и простые граждане, да что там, ближайшие родственники “ мракобесов”:

“Секретно. Председателю по делам РПЦ при Совмине СССР тов. Карпову.

Управляющим Архангельской Епархии Феодосием 24 августа 1954 года был направлен Оплеснин Георгий на должность третьего священника к св.Казанской церкви с.Кочпон г.Сыктывкара, 1929 года рождения...

Отец его всю жизнь работал преподавателем Педучилища, мать также долгое время работала в школьных учреждениях в качестве инструктора, брат 1936 года рождения учится в 10 классе, член ВЛКСМ...

Узнав о том, что Оплеснин Георгий прибыл в город Сыктывкар на должность священника, его родители, а также близкие знакомые и некоторая часть общественности города стали возмущаться этим и обратились к нам с просьбой о нерегистрации Оплеснина Георгия на эту должность...

По указанию обкома КПСС просьба родителей Оплеснина и его знакомых была удовлетворена...

Уполномоченный... Титов”

“Немедленно рассмотреть этот вопрос...”

Письма, что шли из Коми к Патриарху, заботы епископа Леонтия сделали в конце концов свое дело. Май 1956 года стал переломным для коми православия:

“Первому секретарю Коми ОК КПСС тов. Димитрину.

...В мае месяце 1956 года из Совета Министров СССР сообщили по телефону (разговаривал т.Бутырев И.А.), что на днях у товарища Булганина Н.А. был на приеме Патриарх Алексей по вопросу открытия церквей в городах Ухте и Сыктывкаре, в селах Айкино и Иб. Такое же

сообщение было по телефону из ЦК КПСС первому секретарю Коми обкома КПСС т.Осипову Т.И.

Как сообщили т.т.Осипов Т.И. и Бутырев И.А., по телефону было передано прямое указание тов. Булганина Н.А. и ЦК КПСС немедленно рассмотреть этот вопрос и не препятствовать открытию церквей в указанных населенных пунктах...

Ибская церковь и Айкинский молитвенный дом открыты распоряжением Совета Министров РСФСР от 4 июня 1956 г., Сыктывкарский молитвенный дом распоряжением от 5 июля 1956 года... и Ухтинский молитвенный дом распоряжением от 17 июля 1956 года”.

Вскоре после этого Булганина снимут с его поста за “сталинизм”. Дал Господь рабу своему Николаю напоследок загладить часть вины перед народом. Та же судьба ожидала и председателя Совета по делам РПЦ генерала КГБ Карпова, тоже немало согрешившего и немало сделавшего доброго Церкви. Виноватых Хрущев выгнал вон. Их место заняли “ невинные”, чтобы с жаром обрушиться на отцовскую веру. Но придет время, что-то и им станет ясно. Шаг за шагом отступало безбожное общество перед верой.

“ВОПРЕКИ ЭТИМ МЕРАМ..”

“Внешним видом систематически напоминают...”

К началу шестидесятых годов положение приходских священников в Коми резко ухудшилось. Всякая деятельность за стенами храмов была фактически запрещена. Но даже специалисты из Совета по делам РПЦ в ответ на эти меры лишь разводили руками. Они давно уже поняли, что самая большая проблема для безбожной власти - это не горстка открытых храмов, а миллионы православных мирян.

В Коми в это время закатывалась звезда уполномоченного Рочева. Отметая даже советы начальства, он твердо шел к своей цели - полной ликвидации религиозных пережитков на вверенной ему территории. Но чем дальше, тем больше Рочев отчаивался в своей миссии. И пустые храмы с черными мертвыми глазницами, и церкви, превращенные в клубы, пугали уполномоченного:

“На учете местных Советов числится 113 бездействующих молитвенных зданий, которые внешним видом систематически напоминают советским людям о существовании религии. Из 113 бездействующих церквей 24 здания находятся в полуразрушенном состоянии и никем не используются, 27 зданий используются под склады... 5 зданий переоборудованы под промышленные предприятия и мастерские и 57 зданий были заняты под культурно-просветительские учреждения. Но большинство из них по внешнему виду до сих пор являются как молитвенные здания, а не клубы гражданского типа...”.

Время от времени Рочев предпринимал попытки сжечь имущество: иконы, одеяния священнослужителей из порушенных церквей. Москва отвечала что-то типа “руками не трогать, население не поймет”.

Население. Что делать с населением?

Удора

Из отчета уполномоченного:

“В деревне Кривое Важгортского сельсовета Удорского района верующие во главе с гр-кой Поповой Ольгой Григорьевной самовольно захватили молитвенное здание (церковь-часовня) и пользовались им несколько лет, хотя это здание и находится под охраной Удорского райисполкома... Летом верующие этого района собираются в эту деревню (Кривое) и проводят религиозное шествие от церкви до реки и обратно. На реке проводится ими

специальное богослужение. Гр-ка Попова О.Г. является пенсионеркой. Пенсию она получает за потерю сына-кормильца, который до войны работал в леспромхозе. Муж Поповой является скрытником и в 1936 году был изолирован органами МВД.

В Пысском сельсовете Удорского района было построено в лесу неизвестно когда молитвенное здание “келия”, где в определенное время также собирались верующие Удорского и Лешуконского районов и проводили богослужения, приносили пожертвования вещами, продуктами и деньгами. В 1959 году эта “келия” была сожжена неизвестным лицом, но она может быть и вновь построена, если не будет контроля... Е.Рочев”.

Межадор

Спустя несколько лет любопытные записки о том, как жило тогда, во второй половине 50-х годов, село Межадор, оставил следующий уполномоченный - Пунегов.

“Справка о религиозности населения... в селе Межадор.

Как выяснилось из бесед с коммунистами, работниками сельсовета и верующими, на кладбище в с.Межадор ранее существовала часовня, которая была построена в честь якобы “чудесных” явлений там (горения свечей). В 1930 году эта часовня была снесена. В 1959 году на этом месте гражданами села: Оплесниным В.П. (умер), его братом Александром и Давыдовым П.Ф. (рабочие совхоза) был сооружен большой крест. Последний по предложению сельсовета Давыдовым был снят, но вскоре неизвестными вновь был поставлен крест поменьше размером.

В дни поминок, особенно в “Иванов день”, около креста верующие исполняют молитвы в честь предтечи и крестителя Иоанна, после чего раздают милостыни попрошайкам... Это, по-существу, является паломничеством к “святому” месту проявлений “чудес”.

Кроме того, религиозность населения села Межадор проявляется в паломничестве в “Ильин день” к Вадыбским “святым (лечебным) ключам”...

В селе имеются клуб (заведующего нет...), библиотека, где имеются до 50 книжек на тему “наука и религия”... Как выяснилось, антирелигиозную литературу почти никто не читает, за исключением руководителя лекторской группы Чабанова В.Ф. и беспартийного рабочего Копанова Александра Ивановича...

Из методов борьбы с религией бывший председатель сельсовета тов.Раевский М.И. привел такой пример: по распоряжению бывшего секретаря РК КПСС тов.Мыелдина, чтобы воспрепятствовать верующим села посетить религиозные обряды в с.Вотча, он убрал с перевоза все переправочные средства и на берегу поставил дружинников. Но, вопреки этим мерам, верующие переправились через реку Сысолу... и все же посетили молитвенное собрание в с.Вотча...”

Троицко-Печорск

Одним из больных мест для верующих было отсутствие монастырей. Поэтому тем немногим обителям, что оставались к началу 60-х годов - Почаевской, Киево-Печерской лаврам - помогала вся страна. Вокруг этих монастырей спланивалась, например, православная община Троицко-Печорска, села, стоящего на другом конце страны, в коми-глубинке.

“Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР... тов.Куроедову.

Проверкой установлено, что верующие граждане: Попова А.Г. и Москвина Е.Н. в 1959-1960 гг. ездили в Почаевскую лавру и разговаривали с монахами лавры, которые жаловались о плохих условиях жизни монахов в лавре и просили помочь...

После возвращения из лавры гр-ки Попова А.Г. и Москвина Е.Н., а также Мамонтова П.К. организовали среди верующих сбор денег и переводили эти деньги по почте в Почаевскую лавру”. Вспышка сочувствия далеким монахам была зафиксирована уполномоченным и в Ухте:

“Гражданка Неменова Т. переводила по почте деньги в Почаевскую лавру по просьбе одной гр-ки, которая приезжала в г.Ухту по продаже фруктов на рынке и ночевала у гр-ки Неменовой Т... Е.Рочев”.

Но вернемся в Троицко-Печорск:

“Бывшая работница Троицко-Печорского райисполкома Попова в с.Троицко-Печорске организовала проведение молитвенных собраний... на дому верующих и на кладбище, продажу свечей и крестиков, сбор приношений в пользу Киево-Печерской лавры... Е.Рочев”.

Рукопись “Причины сохранения религиозных пережитков (по Коми АССР):

“Одна из активисток группы православных верующих в с.Троицко-Печорске, Е.Н.Москвина, по поводу космических полетов заявила: “Не без бога Гагарин в небо поднялся. Ангел божий во время полета его сопровождал. А если Гагарин и не видел бога, то он живому человеку и не показывается”.

День атеиста

“Не без Бога Гагарин в небо поднялся...” - в этих простых словах тысячи лекторов-атеистов могли бы прочесть приговор своим попыткам победить веру с помощью “знаний”. Ведь вера и наука для православных были вполне совместимы, научные знания были им не чужды. В то время, как их оппоненты имели об истории религии самые смутные представления. И с самого начала были обречены на поражение.

На рубеже шестидесятых какой-то столичной голове пришла в голову дивная идея: регулярно проводить по всей стране День атеиста. На этом воображение изобретателя, к несчастью для него, не иссякло. Он разослал по всем городам и весям свой следующий рескрипт:

“Величественные перспективы раскрываются перед нашей страной... Для того, чтобы помочь тем, кто не освободился полностью от религиозных пережитков, нужно ежемесячно проводить день атеизма...”

И как же, спрашивается, его проводить? Послание было снабжено пропагандистским материалом. Скажем, под рубрикой “Атеистические пословицы и поговорки” следовало несколько унылых “наблюдений” - например, “Бога забыли - лучше зажили”.

Но истинный шедевр представляли из себя рецепты “разоблачений” чудес. Их было немного: пять или шесть. Вот одно из них, посвященное “разоблачению” чуда в Кане Галилейской (где Спаситель по просьбе Матери превратил воду в чудесное вино).

“Поместив в стакан несколько крупинок фенолфталеина (в аптеках он продается как “пурген”), налейте в стакан воду, в которой предварительно была растворена щепотка соды. Сода имеет щелочную реакцию, а щелочи окрашивают фенолфталеин в красный “винный” цвет. Если перелить “вино” в другой стакан, на дне которого будет несколько капель уксуса, то “вино” вновь превратится в воду...”

Хочется надеяться, что ни один из провинциальных лекторов не употребил это “вино” с пургеном вовнутрь. Все это унылое зверство, граничащее с алхимией и чревоуважением, гордо именовалось “просвещением”.

“Попы-самозванцы”

Отсутствие официально зарегистрированных священников, закрытие церквей приводили к результатам крайне опасным

для атеизма. Худшие священники отсекались от церкви, лучшие же боролись за веру рука об руку и душа в душу со своей паствой. Кто мог осмелиться в те годы подумать плохое о батюшке, который, рискуя свободой, не имея часто своего угла, ходил от деревни к деревне и крестил, отпевал, исповедовал и причащал. И таких священников было по стране великое множество.

“...тов. Куроедову... Сообщение о положении... на территории Коми АССР за 1959 год.

Почти во всех районах и городах республики открыто действуют большое количество групп верующих Русской Православной Церкви и служители культа - “попы-самозванцы”... они имеются во всех районах... Е.Рочев”.

Рочев, надо отметить, забил тревогу по этому поводу гораздо раньше столичного Совета по делам РПЦ. При этом он пришел к поразительному выводу, что священникам в подполье находиться даже нравится:

“...Служители культа сами не хотят регистрации... видят в этом возможность избежать обложения их налогом, уйти от контроля... Е.Рочев”.

Для нас, наверное, так и останется загадкой, что это - цинизм или искреннее убеждение. Ведь кому, как не Рочеву, было знать, что иного выхода, как действовать в подполье, тысячам батюшек оставлено не было.

В начале шестидесятых, после того, как Хрущев закрыл еще несколько тысяч церквей, число “самозванцев”, очевидно, резко возросло. И тогда над тем, что делать с этими людьми, задумались и в Москве:

“Положение о комиссиях общественного контроля от 15 января 1962 года. Утверждено Постановлением Совета Министров Коми АССР.

...ж) выявлять лиц (незарегистрированных служителей культа), нелегально появляющихся в населенных пунктах

для совершения религиозных обрядов и религиозных служб, и лиц, предоставляющих помещения для групповых богослужений, хранящих у себя так называемые “чудотворные” иконы...

з) выявлять лиц, посещающих так называемые “святые места”, разрабатывать и осуществлять мероприятия по окончательной ликвидации паломничества к этим местам”.

Постановление Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР:

“При проведении единовременного учета религиозных объединений... выявлено большое количество религиозных обществ и групп Русской Православной Церкви, возглавляемых заштатным духовенством, монахами и другими гастролирующими проповедниками религии... Совет постановляет...”

Что же постановляет Совет на этот раз? Естественно, усилить борьбу. Но как именно?

“...обстоятельно разъяснить верующим незаконность характера деятельности незарегистрированных религиозных обществ и групп. В.Куроедов”.

Нам сегодня, наверное, трудно понять, насколько смешны эта фраза и вообще то положение, в котором оказался Совет по делам РПЦ. За несколько десятилетий власти удалось добиться довольно значительного контроля над той верхушкой айсберга, которую представляла из себя зарегистрированная часть священства. Существовала целая наука о том, как свести роль приходского духовенства до минимума.

Но в борьбе с той частью священства, которая перешла на катакомбное положение, власть оказалась бессильна. Что она могла? Посадить в тюрьму? Но как испугать этим человека, который и без того ничего не имеет, живет в вечной опасности? Да и пойдя поймай ты этого

“самозванца”, если вести о его появлении в районе могли дойти иной раз до уполномоченного через несколько лет. В отчетах Рочева и сменившего его Пунегова имен “попов-самозванцев” практически нет. Надежно скрывал православный мир своих пастырей.

* * *

Нет, преследованиями православных было не запугать и не остановить. Кто более явственнее, чем гонимый за веру, ощущает на себе дыхание Господне? Те первые послевоенные десятилетия были просты. Изощренность ЧК осталась в прошлом. И власти лишь начинали вспоминать, где наше слабое место, сознавать, что храм можно разрушить лишь изнутри руками тех, кто являются православными только по имени.

А годы 50-е - это была, наверное, передышка перед новой схваткой. Нас гнали, но не убивали и почти не пытались купить. И на том спасибо.

Подготовил В. Григорян

ПОСЛЕДНЯЯ БУРЯ

Год 1961-й стал для Русской Православной Церкви переломным. С одной стороны опыт прежних гонений научил богоборцев многому. С другой, они все еще не могли понять, что бурей и натиском им православия не сломить. Это понимали уже многие советские работники, но Хрущев продолжал гнуть свою линию на полную ликвидацию Церкви, причем в кратчайший срок. Ему казалось, что он нашел отличное решение.

И действительно, новое гонение было много опасней предыдущих. Оно было направлено в очень уязвимое место – отношения между верующими и клиром. Под огромным давлением Московская Патриархия была вынуждена согласиться на передачу всех прав управления приходами

мирянам, причем подбор этих мирян должны были осуществлять сами власти. Священник превращался в наемника, его доходы резко урезались, как впрочем и доходы всей Церкви. Отныне огромные суммы – «излишки», должны были отчисляться в Фонд мира.

Новые церковные советы кишацие агентурой властей позволили закрыть по всей стране сотни храмов, оттолкнуть от Церкви сотни тысяч, а может и миллионы человек. Часть священников, преподавателей церковных учебных заведений безбожникам удалось сагитировать оставить православие. Характерна судьба одного из этих предателей профессора Ленинградской Академии Осипова, возглавившего музей атеизма в Казанском соборе прежней столицы.

Как протекало новое гонение на коми земле. Разговор стоит начать с донесения отправленного в Москву новым Уполномоченным М.Пунеговым:

«Совет по делам РПЦ... 11 июля 1962 г.

Из имеющихся в Коми священнослужителей никто не высказал желания отказаться от сана.

М.Пунегов»

«Даны следующие указания»

Краешком новое положение дел застал еще старый Уполномоченный Е.Рочев. Распоряжения Москвы он понял с большевисткой прямоотой, но что важно – во вред своему делу Рочев обнажил суть происходящего. Вот указания, которые он дал старосте Айкинского молитвенного дома:

«Не выполнять распоряжений благочинного;

Не выполнять распоряжений своего настоятеля;

Настоятель не должен ведать финансовыми и хозяйственными делами церкви, так как он является подотчетным старосте;

Не перечислять никаких денежных взносов на епархиальные нужды и епархиальный склад за свечи».

Естественно, власти сделали вид, что они тут ни при чем, что Рочев им самим надоел своей дикостью. Но суть следующих шагов безбожников от этого не изменилась. Переворот вошел в решающую фазу весной 1962 года.

Возможно для того, чтобы смягчить удар, благочиние посетил епископ Архангельский Иннокентий, который произвел на нового Уполномоченного Пунегова весьма благоприятное впечатление. В совем отчете он писал:

«Последний создает впечатление доброго старика с юмором, трезвого и осторожного человека...»

Но грозы это отвести, конечно, не могло.

* * *

Вот что писал Пунегов в те дни:

«Введение квитанционного учета в церквях Коми АССР полностью закончено в июне 1962 года. Все религиозные обряды (крещения, венчания, отпевания) священники исполняют только при предъявлении верующими квитанций выдаваемых церковным советом...

Введение квитанционной системы учета было встречено членами исполнительных органов, особенно верующими, приезжающими из других районов, весьма болезненно. Борьба за безукоснительное выполнение этого требования длилась месяцами...

В мае-июне месяцах, когда особенно был большой приток верующих в церковь, не мало было случаев, когда в церкви происходили скандалы верующих с членами церковного совета и священнослужителями, отказывающимися в исполнении таинств венчания и крещения их детей без наличия документа или обоюдного согласия родителей...

Так, например, члены церковного Совета кочпонской религиозной общины только лишь в сентябре 1962 г. выдали верующим более 10 фиктивных квитанций...Много случаев было подделки подписей родителей при крещении детей...

* * *

Сведения о поведении священства в отчетах Уполномоченного достаточно противоречивы. С одной стороны он рапортует о победах:

«Совету министров Коми АССР

«...В целях подрыва материальной базы церкви в течении года были снижены цены на культовые товары, уменьшены в 2 раза отчисления в епархию, излишки перечислялись в фонд мира...

Священнослужители и псаломщики в 1962 году в целом ежемесячно получают на 235 рублей меньше, чем в 1961 году. Перевод священнослужителей на твердые и пониженные оклады не мог не отразиться на их деятельности. В 1961-1962 годах они не посетили ни одного верующего на дому и не отпевали усопших на кладбищах. Под видом плохого здоровья игумен Серафим (Айкино) часто на службу не приходил или сокращал эту службу во времени. Вновь назначенный настоятель Айкинского прихода игумен Мелентьев (в возрасте 47 лет), узнал о твердом окладе в 100 рублей в месяц, сразу же вернулся в епархию и отказался от такого назначения...»

Но гладко все только на бумаге. Посещать кладбища и православных на дому категорически запретил еще Рочев. Игумен Мелентьев из жадности отказавшийся от прихода сделал тем самым коми православию большое одолжение. А вот что касается наятоящих священников, то здесь все было более, чем неладно:

«Настоятель Айкинского молитвенного дома игумен Серафим (Янчук)... исполнял обряды исповеди, отпевания и другие без квитанции церковного совета. Больше того, Янчук начал отправлять религиозные обряды у себя на квартире, выезжать на исполнение обрядов за пределы района деятельности молитвенного дома и т.д. В октябре с/г нами снят с регистрации».

Здесь к слову сказать Пунегов опровергает свои собственные слова о том, что священники за пределами храмов активности не проявляют. Но продолжим:

«...в июне 1962 года, после ряда устных и письменных предупреждений, на 5 месяцев был снят с регистрации священник Холопов, который допускал систематическое исполнения таинства без квитанций...»

«В связи с перестройкой»

Главная роль в разрушении Церкви была отведена мирянам. Далеко не сразу и далеко не везде властям удалось преуспеть. Ныне, когда миряне лишены почти всех прав, многие священники, иерархи, ссылаются на тот печальный период, когда прихожане якобы всем управляли. Забывается, что именно миряне почти повсеместно оказали наибольшее сопротивление новым правилам. И ломали их за это жестоко:

Их отчет М. Пунегова:

«В связи с перестройкой управления церковью значительно возросла роль исполнительных органов религиозных объединений. От...состава этих органов в настоящее время зависит многое.

Так в апреле 1962 года старостой Кочпонской церкви был избран Буланов Иона Андреевич, 1893 года рождения, судимый в 1931 году по ст. 61 УК РСФСР...Последний оказался фанатично верующим, в силу чего допустил нарушения...системы учета...

Весной 1962 года из 57 верующих Ибской религиозной общины, желавших вступить в «двадцатку», исполком сельского совета... подобрал 20 граждан... На организационном собрании членов новой «двадцатки» выяснилось, что в число их попали около 5 фанатично верующих, которые пользовались уважением у других членов. Потребовалась большая разъяснительная работа, чтобы добиться снижения цен на культовые товары, уменьшение штатных единиц и их окладов. Многие другие предложения (сокращение колокольного звона, отстранение некоторых активных церковников от работы в церкви и др. так и не получили нужного решения.

Эти примеры показывают, что отдельные работники исполкомов местных Советов еще слабо знают членов религиозной общины, в силу чего в исполнительные органы попадают проходимцы и всякие жулики.

Сломить удалось только Кочпон. Иб держался, еще хуже пошло дело у властей в Айкино. Там бывшая учительница Людмила Чукичева глава общины:

«..в течении 7 месяцев не признавала квитанционную систему учета...»

Даже после того, как Чукичеву уволили со всех должностей, а «двадцатку» разогнали, правильной системы учета организовать не удалось.

* * *

Настойчиво декларируя отделение Церкви от государства и общества, кремлевские мечтатели залезли в дела Церкви столь глубоко, что это приводило иной раз к самым комическим эффектам. Вот один пример:

«Справка

Дана Пажгинским сельсоветом гр-ке Русеевой Клавдии Петровне, проживающей в селе Пажга Гарьинского

лесопункта в том, что ее муж Русеев Григорий Петрович окрестить свою дочь согласен и сельсовет не возражает.

Справка дана для предъявления в Ибскую церковь

Председатель сельсовета Канев Секретарь сельсовета
Башлыкова

№ 396 от 23/VIII – 1962 года»

Уивдев сей документ, Пунегов пришел в страшное негодование:

«Где это видано, чтобы советская власть давала для церкви подобные справки с гербовой печатью и тем более согласия на крещение детей...»

Но подобные справки, составленные в духе прошлого века, продолжали поступать.

* * *

Основных успехов гонителям удалось добиться лишь на бумаге. Обратимся к бесстрастной статистике.

Официально число отпеваний снизилось с 1961 года по 62-й годы с 18,4 проц. до 15, от общего числа смертей. Венчаний с с 0,4 до 0,2 проц., от числа браков, то есть вдвое. Крещений с 5,7 процентов от числа рождений до 1,8, то есть почти в три раза.

А что же было на самом деле.

Количество проданных крестиков возросло с 5 722 до 10 634 штук в год. В прежние годы их продавалось столько, сколько крестилось людей. Нет оснований думать, что эта практика вдруг изменилась.

Таким образом число крестившихся возросло за год вдвое (!). Причем половина крестилась тайно. В результате гонений люди стали гораздо охотней исповедоваться. В 61-м году исповедовалось 1212 человек, а в 62 – 1930.

Таким образом замыслы Хрущева не просто провалились, а привели к результатам прямо противоположным задуманным.

Ибское противостояние

Нельзя сказать, что Уполномоченный Пунегов этого не понимал. Прекрасно понимал. Он был категорическим противником рочевской линии – давить и не пущать. Поэтому добрую часть сил Пунегов тратил на борьбу с перегибами местных властей:

«Исполком Сыктывкарского горсовета (т.т. Елизаров и Люшина) 27 апреля 1962 г. пытались распорядиться прекратить колокольный звон в Кочпонской церкви в дни майских праздников. Это незаконное решение было вовремя предотвращено...»

В этом протесте не стоит искать даже тени симпатии к Церкви. Те же самые Елизаров и Люшин примерно в то же время, приняли от Кочпонской общины 6 тысяч рублей на строительство дороги к храму. Пунегов устроил дикий скандал, деньги были переданы в Фонд мира (в ущерб городу).

Но вот что важно, строгий законник, Пунегов готовился к вечному сосуществованию Церкви и государства. Это был трезвый подход, который принес коми православию немало зла и добра. Именно благодаря ему, в частности, удалось отстоять церковь в Ибе.

* * *

Из донесения Уполномоченного:

«2 апреля 1962 года заместитель председателя исполкома Сыктывдинского райсовета трудящихся Попов П.Т. доложил, что председатель исполкома Ибского сельсовета...Муравьев И.В. 31 марта 1962 года опечатал действующую в селе Иб церковь в целях пресечения нарушений церковным активом закона о культах...»

Указанное мероприятие тов. Муравьев объяснил тем, что церковный актив без священника собирается в церковь и организует пение верующих...

Таким образом, тов. Муравьев грубо нарушил основные требования законодательства...

В связи с этим тов. Муравьеву было предложено снять с входной двери в церковь оттиск сургучной печати, что и было сделано им в присутствии... тов. Попова П.Т. 2 апреля 1962 года в 17 часов 30 минут...»

А вот другой документ:

«М. Пунегов... Лекция о советском законодательстве о культах (только для советско-партийного актива)

...В мае 1961 года настоятель Ибской церкви Субботин был снят с регистрации. Взамен его епархия направила трех священников, но Уполномоченный Совета под разными предлогами никого из них не регистрировали. В силу этих причин Ибская церковь была без священнослужителя около года. И что же? Такая борьба привела к тому, что... началось паломничество верующих в Совет Министров, взбудоражило остальных верующих. Кончилось это тем, что Ибской религиозной общине все же пришлось дать священника а актив церковников с 14 человек возрос до 50 и более человек...»

Воистину, немец писал...

Благотворительность

Одним из важнейших моментов в борьбе с Церковью власти полагали прекращение христианской благотворительности:

«В текущем году (62-м – Г.Д.) церковники Айкинской религиозной общины выделили в виде помощи одной верующей 30 рублей. Эта сумма с виновных взыскана и оприходована...»

«...Фактов благотворительной деятельности духовенства по Ибской церкви и Айкинскому молитвенному дому не имеется. Формально они прекращены и по Кочпонской церкви. Однако близ церковной ограды и на паперти церкви проводимая руками верующих, продолжает иметь место. Нами специально было обращено внимание священнослужителей...на это ненормальное явление...»

Из четырех священников Коми, откликнулся один – настоятель Кочпонского храма Северин. Он посоветовал во время проведи солюдать советские законы. Уполномоченный оживился, написал, что благотворительность побеждена окончательно. Но вскоре понял, что положение безнадежно:

«Справка о праздновании религиозного праздника «Успение» в с.Кочпон...

...как правило на паперти и у церковной ограды толпились попрошайки, которым верующие давали продуктовые и денежные пожертвования. Принимаемые церковными советом меры к пресечению такой деятельности не имеют результата. Больше того, эти «нищие» подвергают членов исполнительных органов к оскорблениям. Со стороны работников милиции борьба с нищенствующими не ведется...По отзывам работников Кочпона уч.уполномоченный т.Ширяев является редким гостем в Кочпоне, а когда бывает, то навеселе...»

Это навеселе стоит отметить особо. Вся искусственность борьбы с Церковью здесь вырисовывается особенно живописно. Вся эта борьба держалась на таких редких у нас в России типах людей вроде Рочева и Пунегова. Основная же масса слуг народа, особенно когда дело касалось Церкви, пребывали «навеселе», «в расслабленности», «не в своем уме» и т.д. И переделать их было решительно невозможно.

Г.Донаров
